

Май Дун глубоко сожалел об этом. Он знал наверняка, что так и будет, знал, что Янь Сюймин, должно быть, это видел. Он настоял на этом ненужном шаге и захотел задать вопрос.

Но в глубине души он также понимал свои собственные мысли. Это было не более чем влюбленностью и желанием сблизиться. Расставить все точки над *i* просто казалось уместным. В конце концов, раз Янь Сюймин увидел его дневник, почему бы не воспользоваться этой возможностью, чтобы перекинуться с ним еще парой слов?

Он даже был готов к допросам или отказу Янь Сюймина, как будто это позволило бы ему хоть немного поучаствовать в его жизни. В извращенном смысле он думал, что, возможно, в будущем Янь Сюймин вспомнит, что у него был такой преследователь, и этого будет достаточно.

Иногда Май Дун сомневался, не мазохист ли он, настаивая на том, что дела должны дойти до определенной точки, прежде чем он сдастся. С этими мыслями он ответил:

[Мне жаль, очень жаль. Если вы обиделись, я немедленно вырву эту страницу. Я действительно не имел в виду ничего другого. Мне правда жаль.]

Янь Сюймин ответил:

[Не смущайтесь и не чувствуйте себя неловко. Я открыл его, прочитал несколько строк, понял, что это дневник, и не стал читать дальше. Скорее идите отдыхать.]

Янь Сюймин всегда был внимателен, Май Дун всегда это знал.

Такое отношение несло в себе чувство возвышенной отстраненности, заставляя Май Дуна всегда считать Янь Сюймина выше всех остальных.

Он сострадательно наблюдал за всеми с непредвзятостью Бога. Например, когда он, как вице-президент студенческого союза, согласился помочь клубу ханьфу в качестве живой рекламы, улыбаясь и раздавая рекламные листовки в течение целого дня.

И еще было кое-что... в старшей школе.

Во время школьных спортивных состязаний Май Дуна и его соседа по парте неохотно втянули в трехногий забег. Оба были типичными книжными задротами, а сосед Май Дуна был еще более далек от спорта — пухлый парень в очках с такими толстыми стеклами, что те походили больше на бутылочные донышки.

Не имея ни спортивного таланта, ни координации, неудивительно, что после того, как они с трудом продвинулись на пять-шесть метров, они в итоге резко упали на трассу. Колени были ободраны, раны были вперемешку с кровью и пылью, болезненное и постыдное зрелище.

В тот момент Май Дун почувствовал одновременно разочарование и гнев.

Он был разочарован в себе самом из-за того, что не смог хорошо сыграть даже в такую простую игру, в которую обычно играли маленькие дети с родителями, и зол на своего пухлого соседа по парте за то, что тот, по сути, был его обузой... Хотя Май Дун был малоизвестной фигурой, он не был слабаком. Его сосед по парте споткнулся прямо перед падением, что и стало главной причиной их провала.

Поэтому он сел на землю, нахмурившись от боли и гнева.

В этот самый момент появился Янь Сюймин. Он только что закончил бежать эстафету. Его лицо было слегка красным, он держал бутылку воды, которую дала ему девушка, и успел выпить уже половину. Он протянул мальчику ватку с йодом и сказал:

— Все в порядке? Давай я помогу тебе привести себя в порядок.

По разным причинам Май Дун не верил, что Янь Сюймин на самом деле не читал его дневник, и был твердо убежден, что это была просто утешительная и дружеская ложь, чтобы избежать неловкости.

Эта тайная любовь была надежно похоронена.

[Старшему тоже стоит пораньше отдохнуть. Спокойной ночи.] — ответил Май Дун и выключил телефон.

Это было такое пустяковое дело — просто найти чужой дневник.

Хотя мир Май Дуна, казалось, рушился, для всех остальных это был всего лишь незначительный эпизод.

Жизнь продолжалась как обычно.

Май Дун уже целую неделю неохотно выходил из дома. К счастью, его заточение совпало с праздником Дня независимости, и занятий не было, поэтому он редко ходил в библиотеку. Он даже избегал кафетерия во время обеда и заказывал еду на вынос целую неделю.

Он продолжал вести дневник, и вот что он написал сегодня:

[4 октября 2023 г. Облачно.

Я знаю, что никого это не волнует, кроме меня. Есть так много людей, которым нравится Янь

Сюймин. Он, вероятно, даже не помнит, кто я. Даже если мы снова пройдем мимо друг друга, он не подумает, что я выгляжу знакомо. Но я все равно не осмеливаюсь выйти, боясь встречи с ним.

Я боюсь, что после встречи с ним он вспомнит меня, но еще больше я боюсь, что после встречи с ним он забудет, кто я.

Ах, Май Дун, Май Дун, ты и вправду супер-пупер, ультра-грусливое, самое стеснительное маленькое привидение во вселенной!]

Он решил найти себе занятие. Как всем известно, забота о себе — лучшее лекарство от разбитого сердца.

Потому что, хотя Май Дун тайно любил Янь Сюймина четыре года, он все еще чувствовал, что влюбленность не полностью сожрала остатки его мозгов. Тайная любовь... эти два слова всегда имеют предсказуемый результат, который является концом всему.

Дела дошли до такой точки, что продолжать тайно любить было бы невежливо, убедил себя Май Дун.

Итак, он откопал записи чата своих бывших одноклассников, приглашавших его присоединиться к дискуссионной группе. Хотя это приглашение, конечно, было немного устаревшим, так как это произошло в первой половине его первого года обучения.

Это случилось, когда Май Дун, который всегда был невидимым, продемонстрировал поразительное красноречие во время презентации. Конечно, Май Дун чувствовал, что он просто читает текст со слайда, но это не помешало его одноклассникам посчитать его гением дебатов.

После перерыва более чем в полгода Май Дун ответил:

[Господин Чэнь, вам все еще нужны люди для вашей команды по дебатам?]

Ответ с другой стороны пришел быстро:

[О, Май-цзы, ребенок умер, и теперь ты пришел поить его молоком*!]

*предлагать помощь, когда в ней уже нет необходимости, потому что ситуация полностью изменилась

Май Дун:

— ...

Май Дун:

[Кхм, извини, я просто хотел найти себе какое-нибудь занятие.]

<http://bllate.org/book/12955/1138111>